

Плюсквамперфект не строится - иди читай «Глаголицу»!

В этом номере:

Практическая филология.

Все, что вы хотели о ней знать, но боялись спросить (стр. 1, 4-5) «Главное – чтобы глазу было за что зацепиться» (стр. 2-3) «Лингвист не должен бояться слов» (стр. 6-7) Заоконная зима (стр. 8)

Практическая филология. Все, что вы хотели о ней знать, но боялись спросить

Мое обучение на филологическом факультете подходит к диплому. Через несколько месяцев я получу почетное право называться филологом. Это право налагает и определенную ответственность: быть, а не только называться филологом. Хочется верить, этот принцип станет нашим кредо независимо от профессионального будущего.

Так как необходимость выбора сферы, в которую предстоит вкладывать полученный филологический капитал, становится все ближе с каждым днем, над этим вопросом мало кто не задумывается. Многие же интересуются этим еще задолго до получения диплома. Так, за время своего обучения я нередко ощущала потребность в дополнительной информации прикладного характера, ведь не секрет, что зачастую она выносится за скобки нашей образовательной программы. Это подтолкнуло меня к самостоятельному поиску по различным каналам, в том числе и опытным путем.

На сегодняшний день в мире не существует универсального и общепринятого подхода к образованию вообще, и к высшему — в частности. Больше всего разногласий связано с целями, которым должны служить приобретаемые знания. Авторы исследования, посвященного образовательной системе США, выделяют несколько подходов, устоявшихся в американском обществе. Грубо эти подходы можно разделить на две категории. Первая объединяет мнения о том, что образование — это самоценное преимущество. Вторая, что образование — это инструмент, с помощью которого возможно достижение неких благ. Мне видится, что оба вышеприведенных утверждения не исключают, а, наоборот, взаимно дополняют друг друга. Принимая перевес в сторону самоценности образования как непреложный, я считаю наиболее оптимальным подход, подразумевающий именно синтез этих категорий, когда фундаментальные знания подкреплены практическими навыками, помогающими эти знания применять.

Лирики XXI века

Так сложилось, что в нашей стране в последние десятилетия вопрос трудоустройства особо остро стоит для «лириков». Так думает большинство, и такого же мнения до некоторых пор придерживалась и я. Что заставило меня его изменить, будет понятно дальше, а сначала надо разобраться, что же так угнетает некоторых студентов гуманитарных факультетов, стоит только задать им вопрос об их карьерных планах.

Во-первых, с пути истинного нас часто пытаются сбить вопросами о том, что такое филология и куда же мы пойдем работать. Увы, по не зависящим от нас историко-культурным обстоятельствам, подобные вопросы нередко возникают у среднестатистического жителя нашей страны. Смирение и только смирение. Возмож-

но, первое время такие вопросы будут подсознательно создавать в вашем воображении коннотации «ненужности» филологии из-за того, что области ее применения не для всех очевидны. Чтобы этого не случилось, помимо влюбленности в слово, которая может исчезнуть при первом проявлении скептицизма со стороны общественности, нужно еще доверие, уважение и осознанное отношение к логосу. А ответы на некоторые невежественные вопросы, надеюсь, вы найдете в приведенных ниже примерах самореализации филолога.

Помимо просвещения друзей и знакомых на тему, что такое филология, вы еще будете задумываться о своих профессиональных планах на жизнь. А как только возникает мысль о поиске работы,

она влечет за собой ряд совершенно конкретных и неотвратимых вопросов. На какую должность мы претендуем, в какой структуре, что для этого нужно знать и уметь? Признаюсь, поступая на филологический факультет, я не задумывалась о том, что эти тривиальные вопросы стоят размышлений. Однако уже на первом курсе (вечернего отделения), в силу обстоятельств, мне пришлось заняться поиском работы. И тут я столкнулась с тем, что я совершенно не представляю себе роль филолога в современном мире. А так как мне хотелось понимать, насколько велики мои шансы трудиться, если не сейчас, то в будущем, по специальности, я занялась изучением вопроса самостоятельно.

(продолжение на стр. 4-5)

«Главное - чтобы глазу было за что зацепиться»

Сказала больше себе, чем кому бы то ни было еще, Ольга Владимировна Синёва и организовала выставку из ничего. Так же, как в свое время организовала центр балтистики. Конечно, при поддержке факультета. Конечно, не без помощи посольства Латвии.

Только вот выставочное пространство – это не только стена плюс картина. Это еще и люди, которые придут смотреть – а на открытии выставки представители посольства присутствовали. Это еще и бюрократическая волокита, не говоря уже о самом главном – о том, что картины на стену надо вешать (как раз на этот случай у Ольги Владимировны был свой секретный ход, приобретенный в борьбе с нескончаемым бытом).

Первая выставка открылась в апреле 2011 г.: «Один день в Риге». Это были фотографии, представлявшие динамику жизни столицы Латвии от 1987 года к 2007.

И все же раз за разом мы с улыбкой смотрим мультфильмы, слушаем песни, игравшие когда-то, в другое время, а может быть, и в другой стране. А увидев шарик в небе, долго провожаем его глазами.

Можно сколько угодно рассуждать о том, почему именно посольство Латвии, откуда такой интерес к этой деятельности, к ее развитию. Выдвигать предположения. Все может быть, но, скорее всего, просто люди заинтересованные. Им интересно не только назначать встречи и дружеские саммиты, а честно показать, что есть хорошего – не политикам, а людям. В том, что такая открытость подкупает, я не вижу ничего плохого. Что же до самой выставки, то дети выше политики и дипломатии. Выше условностей, которых для них не существует. Они живут в другом мире. Он ярче и чище, и проблемы в нем если и есть, то совсем другие.

Выставка вызвала интерес преподавателей и студентов не только нашего, но и других факультетов. Еще бы: виды незнакомого города, яркие сценки из жизни и – главное – атмосфера. Художественный язык фотографии предполагает возможность ухватить незаметные характерные черты, которые включают эпизод в единое течение жизни. Охват реалий сразу двух эпох позволил заинтересовать не только студентов, но и представителей старшего поколения.

Уже в 2012 году состоялась фотовыставка «Взгляд», не ограничившаяся одной Ригой, но представлявшая жизнь всей Латвии. И вот – на месте улочек Риги – работы детей-учеников художественных школ. Яркие цветные пятна на стенах легко обращают на себя внимание, но, кажется, репортажные образы чужого города оказались нам много ближе, чем детские картины.

В этих рисунках – такие же песни, такие же детские игры и забавы, и мама, которая приходит с работы, и друг Мишка, у которого можно выменять светлячка, да и сам светлячок. Только нарисованы они не для нас Маленькие художники Эльза и Давидс не думали о том, сколько людей будут смотреть их работы и кто эти люди, не пытались подстроиться и захватить внимание. Они рисовали – может быть, немножко для мамы с папой, может быть, немножко для учительницы, но в первую очередь для себя – потому что по-другому не могли выразить, высказать, выплеснуть из себя неугасаемую энергию жизни, радость и удивленное любопытство к своему существованию. Теплоту лучей солнца и яркость цветов, мягкую пушистость меха и мамину любовь.

Возраст авторов картин самый разный: от пяти лет и старше. Но, кажется, интерес нисколько не зависит от возраста. От другого он зависит. Есть во всех этих

работах общее чувство – родительской любви. Никто не ждет, что мышка у ребенка получится жизнеподобная, чтоб сердце у нее N-камерное, каждую шерстинку было видать и система репродуктивная функционировала. Мышка живая потому, что ребенок живой, потому что не из-под палки рисует, а родители радуются яркости образов, а не смущаются непохожести, нереалистичности. То же в картинах у Давидса. Три висящие его работы выполнены в одной стилистике – он понял, что родителям и учителям нравится эта полуиероглифическая стилистика его рисунков. Вопрос не в том, привыкнет ли он всегда следовать запросам и делать только то, что получается, избегая трудностей. Вопрос в том, что любят его и ценят не за твердость штриха и выдержанность пропорций. Не получается с пропорциями – сделай по-другому – и он сделал, и работы его интересны и оригинальны. Есть, впрочем, на выставке две картины-антипода. Не по сюжету или по чемулибо еще. По отношению. Это кот, рисующий рыбу, и коллаж с картиной и очками. Что касается коллажа, с ним все просто. Это совместное творчество. Несколько детей (а может быть, и вместе со взрослыми) создали картину – сумбурную, яркую, наполненную радостью общения и совместной работы. Кажется, что в этой картине вместе сошлись все темы выставки: кот; яркая цирковая кутерьма; картина в картине; даже кто-то из родственников в виде очков представлен. Кот же совсем другой. Кот правильный. Красивый, выверенный, выдержанный. Он спокойно рисует рыбу, смотрит своими злыми глазами и думает о том, каким трудом досталась ему его правильность. Сколько нервов за ней и крика. И если случится такое, что под его кисточкой, как в сказке, начнут оживать картины, он даже не скрывает, что сделает он с этой рыбой.

С возрастом мы привыкаем скрывать свои чувства и смущаемся их ярких проявлений. Улыбаемся детской

непосредственности, удивляемся детской серьезности. Проходим мимо детских работ – маленьких оконец в стеклянное, яркое, хрупкое детское... счастье ли? Нет, шире. Жизнь. Мир.

Напоследок хочется сказать, что выставка эта есть то, насколько в ней люди участвуют. Несмотря ни на какие сложности и условия, она состоялась. Возможно, есть выставки ближе, понятнее, чем детское творчество. При всей его простоте нужен совершенно определенный опыт, чтобы оценить его по достоинству. И как раз здесь все зависит исключительно от нашего желания. Достаточно захотеть и наполнение ее будет, однако для этого необходимо приложить усилия – не Ольге Владимировне, конечно, а нам – тем, кто в этом заинтересован.

Владислав Игнатьев

«Кто хочет - ищет возможности. Кто не хочет - ищет причины»

Итак, диагноз поставлен. Начинающий филолог болеет отсутствием конкретики и незнанием, в какое русло направить свою филологическую энергию.

Что же ты умеешь, филолог? Именно на этот вопрос надо найти для себя правильные ответы, чтобы выбранная терапия не просто имела эффект плацебо, а устраняла причины недуга.

Ответить на этот вопрос довольно просто. Для начала вспомните буквальное значение слова «филология» – «любовь к слову». Насчет любви и влюбленности мы уже поговорили, а вот что касается слова, не все лежит на поверхности. Ведь в действительности слова наполняют практически все области нашей жизни, слово руководит нашим мышлением и действиями. Филолог же должен уметь констатировать языковые факты, комментировать их, управлять языковыми процессами и направлять язык как систему знаков сообразно духовным ценностям общества. Размышляя об этом, можно сделать немало воодушевляющих выводов о том, что, вообще-то, любить слово – дело полезное и нужное. Тем более, в эпоху, когда информация становится главной ценностью.

От слов - к делу. Хит-парад наших возможностей:

- 1) Научная деятельность. Пожалуй, самый очевидный, традиционный и, конечно, наиболее достойный вариант. Но давайте называть вещи своими именами. Способность человека продуктивно заниматься наукой зависит от многих факторов, среди которых, помимо желания, талант, характер, воспитание. Несмотря на то, что в процессе обучения интерес к филологии, а особенно к ее отдельным дисциплинам, во мне только возрастал, я не нахожу в себе потенциала заниматься наукой в течение всей жизни. Этому есть ряд причин, но одна их них самая прискорбная и распространенная: в сегодняшней России этот путь требует от человека не просто твердости духа, а героизма. Но тем почетнее и благороднее этот труд.
- 2) Преподавательская деятельность. Образ филолога у рядового обывателя, как правило, связан с учителем. И это вполне оправданно, ведь гуманитарное образование дает отличный потенциал для достижения успехов на этом поприще. Однако в такой ответственной сфере, как образование и воспитание, ни в коем случае нельзя вешать ярлыки это просто опасно. Не каждый филолог способен справиться с ролью преподавателя, для которой, помимо образования, необходимы призвание и талант. Поэтому трезвая оценка своих возможностей является

необходимым условием для начала этого пути. В случае успеха наградой вам будут горящие глаза учеников и неоценимый вклад в жизнь общества.

3) Журналистика. Это перспективное поле для филолога, так как основная возделываемая на нем культура – это слово. А кто, как не филолог, умеет с ним правильно обращаться? Литературовед с одной стороны, и лингвист – с другой, человек с филологическим образованием обладает колоссальными познаниями в самых разных областях и способен облечь эти знания в уместную форму. Виртуозно дирижировать оркестром

слов в современном потоке информации, начиная от подбора музыкальных инструментов и заканчивая чистотой нот, должен только профессионал текстового ремесла. Почему бы не вы?

4) Коммерческие структуры. Современный бизнес нуждается в профессиональной филологической поддержке. Это факт. Нередко он оспаривается скептическими высказываниями о том, что нас там никто не ждет. Для меня собственный опыт, опыт сокурсниц, преподавателей, аналитика рынка труда являются достаточными аргументами против скептиков. Помимо этого можно привести еще и следующие доводы.

Конечно, профили у компаний разные, но даже в самых «технических» организациях есть место коммуникациям. Как внешним, так и внутренним. Приведу примеры для пояснения, так как не для всех это очевидно. В любой компании есть определенный на-

График, отражающий ежемесячную динамику средней заработной платы по позиции «Менеджер по PR». Средняя заработная плата на данной позиции с мая по ноябрь 2012г. – 50 т.р. Материал с сайта Superjob.ru.

бор документов, без которых она просто не может существовать и вести деятельность: устав, регламенты, приказы. Гарантировать качественное исполнение (в отличие от содержания, за которое в большей степени ответственен юрист) таких документов может только профессионал – филолог.

Далее, любая компания так или иначе общается с внешним миром: с потребителями, партнерами, инвесторами, государством. Как общается? Посредством слова. Кто эти слова находит, отбирает, связывает воедино, стилистически оформляет? Мы, филологи. И это еще не все. Большинство компаний выпускает разного рода печатную продукцию: рекламные брошюры, каталоги, корпоративные издания и прочее. Как вы правильно подумали, помимо картинок, в этих материалах есть еще тексты.

Итак, филолог в бизнес-структуре способен выполнять следующие функции: написание, корректура, редактура и перевод текстов. Это общие направления, которые на практике, как правило, реализуются двумя путями: либо вы работаете в штате, например, филологов хорошо берут на позицию PR-менеджера, спичрайтера, копирайтера, либо в специализированном агентстве, например, рекламном, коммуникационном. Есть еще и третий путь – так называемый фриланс: функции – те же, условия – другие.

5) **Государственные и общественные организации.** По сути, на этом поприще филолог может реализовать себя в тех же аспектах, что и в коммерческих структурах, но в несколько другом формате. Здесь также требуются пресс-секретари (сродни PR-менеджерам), лингвоконсультанты, корректоры, редакторы, спичрайтеры. Другие жанры, другие потребности и цели, но требования к текстам – те же: они должны быть написанным качественным русским языком.

Я наметила основные векторы поиска, но этот список открыт, его можно продолжать. Хочу добавить, что очень важно понимать, где и как можно применять свои знания и навыки. Если у вас есть опыт преподавания, вы можете стать отличным бизнес-тренером, и наоборот, после работы с взрослыми можно попробовать учить детей. Если вы работали с архивами, почему бы не применить этот опыт в государственных учреждениях? Если вы в совершенстве владеете тропами и фигурами, почему бы не создавать качественные рекламные тексты? Продолжите список сами!

Вполне возможно, что после прочитанного у вас на лице возникла скептическая улыбка. Если это так, то я еще не добилась своей цели – превратить ее в улыбку человека, позитивно смотрящего в будущее и полного энергии для плодотворной работы. Полагаю, согласившись с тем, что филологи все-таки востребованы в современном обществе, вы можете с недоверием заметить, что без опыта работы почти все вышеперечисленные пути закрыты. И знаете, вы будете правы. Но в этом отношении мы в равных условиях с выпускниками любого другого факультета или учебного учреждения. Это отдельная тема, которую не стоит затрагивать в рамках данной статьи, скажу лишь, что и этот барьер преодолим. Надо обладать здоровой амбициозностью, верой в себя и в то, что ты делаешь, а главное – трудолюбием.

И кстати, принимать решения и действовать – только в ваших силах, не ждите универсальных алгоритмов!

Дорогие друзья, если вам потребуется дополнительная информация по каким-либо вопросам, затронутым в этом материале, я буду готова ответить. Мой адрес: ksenia.a.yudochkina@gmail.com.

Ксения Юдочкина Иллюстрации Анастасии Панкратовой

Не удержались от фотографии заставленного зонтиками большого сачка? А может, просто хочется больше лайков?

У «Глаголицы» теперь есть свой хэш-тэг в Instagram - #feelfun.
Поделись неописуемой филологической красотой с факультетом!
А еще у нас появилась группа ВКонтакте, где вы можете не только обсудить новый номер и узнать о предстоящих культурных научных событиях факультета, но и порадовать всех своим творчеством: http://vk.com/glagolitsa.

Вливайся!

«Лингвист не должен бояться слов»

Публикуем неформатное интервью с Майей Владимировной Всеволодовой, профессором кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания РКИ, заслуженным профессором МГУ, главой школы функциональнокоммуникативной грамматики.

Про самое начало

Первые иностранцы приехали в Советский Союз в 1948-м году из стран народной демократии, как тогда называли соцстраны.

Когда мы начинали работать, не было ничего: никаких грамматик, учебников. Было только пособие И.М. Пулькиной: сборник комментариев, для случаев, о которых преподаватель должен знать. Но тогда думали, что это просто профессия такая. Иван Георгиевич Петровский — ректор, прекрасный человек и замечательный ученый — говорил: «Для того чтобы преподавать русский язык как иностранный, достаточно трех классов образования».

Мы первые увидели, что у нас нет грамматики. И что нам нужна грамматика не та, которую у нас пишут, а принципиально другая, потому что мы учим говорить, а не анализировать. Нашим студентам не нужно разбирать предложение по членам и определять его тип в соответствии с классификацией грамматической теории.

Очень многие проблемы были мы должны поставить первыми. Потому что нам это нужно было для практики. Преподаватель, идя на урок, сам разрабатывал грамматическую тему, сам писал все упражнения. Мы в процессе работы создавали фактически новую грамматику, объяснительную грамматику, где мы должны знать алгоритм: в каких условиях, что и как делать.

Я всегда преподавала русский язык химикам, физикам, математикам, географам и др. естественникам. Они много читали. Обильное домашнее чтение — это была наша находка. Они читали обязательно. Начиная — где-то на І курсе — от десяти страниц в неделю. Потом 20-25. И сдавали домашнее чтение преподавателю каждый месяц. И оказалось, что в какой-то момент у человека что-то замыкается, какое-то представление о системе языка,

независимо от того, какую систему представляет себе преподаватель. Мозг начинает работать сам на себя. Он начинает учить язык уже независимо от преподавателя. Поставила я как-то своей немке-химику на выпускном экзамене на III курсе «четверку». На V курсе мы с ней встречаемся на субботнике в день рождения Ленина, сажаем цветы около главного здания. Смотрю – девговорит потрясающе. А так как я не отреагировала на это словами, она не выдержала: «Майя Владимировна, Вы слышите, как я говорю? Андрей Белый и Саша Черный – мои любимые поэты». Через двадцать лет после окончания университета другой немецкий студент-химик, который на первом курсе не понимал, что смешного в «Двенадцати стульях» – «Очень серьезная книга!», – писал мне, что прочитал всего Шолохова и понял Паустовского, рассказы которого на I курсе не мог понять: «Зачем мы читаем «Снег» Паустовского? Ведь там ничего не происходит».

Про подражание

Я узнала, что у нас курсы по выбору [у магистрантов – А.Б., Е.Г.] будут читаться по-английски. Это как? Смотрите, у нас есть аспект и есть вид. У них только аспект, у них нет понятия «вид», а это принципиально разные вещи, хотя вид, конечно, входит в категорию аспекта. У них есть субъект и предикат, а у нас субъект и предикат и подлежащее и сказуемое - это разные уровни предложения. В предложении У мамы ангина – субъект "мама" в позиции дополнения, а предикат "ангина" в позиции подлежащего. Сказуемое же представлено нуль-формой бытийного глагола. Как это перевести на английский? И кроме того, еще Екатерина II запретила преподавать в российских университетах на каких-нибудь других языках, кроме русского. Ни Германия, ни Франция не разрешат вести свои занятия на английском. А мы? Можно сделать так: в числе спецкурсов по выбору могут или должны быть спецкурсы и на иностранных языках, и не только на английском. Немецкий, французский и др. не хуже английского и тоже нужны. Но не должно быть так, чтобы все спецкурсы по выбору

читались только на английском. В таких спецкурсах преподаватель обычно излагает результаты своих наблюдений, которые не всегда можно или он не всегда может преподнести в английском варианте.

Про немцев

Как после войны относились к студентам-иностранцам? Хорошо относились. Вы знаете, первый раз, когда немец пожал мне руку, я все ее держала вот так на уроке (показывает отведенную в сторону руку), а потом пошла в туалет помыла. (Смеется.)

А потом хорошо, потому что приезжали немцы с очень хорошим отношением к нам, как это ни странно, сразу вскоре после войны. И там были люди, которые воевали. В армию призывали, и человек должен был идти. Но ведь и не все немцы «любили» Гитлера. Одного парня с ІІІ курса немцы отозвали обратно: вроде бы, он не сказал, что воевал, а мне было его жалко.

И в принципе немцы были хорошие ребята. Я относилась (и отношусь) к ним хорошо. Я не знаю ни одного случая, чтобы они обижались, например, на наших за плохое к ним отношение. Я часто ходила и ездила с ребятами на экскурсии и даже в лыжные походы. И не помню ни одного случая, чтобы кто-то из наших сказал им что-нибудь обидное.

Про то время

Да, время было трудное. На V курсе я была членом комсомольского бюро. Подошли ко мне две мои одногруппницы и спросили: «Майя, а вот Стела Тонконогова может попасть в аспирантуру?» Стела Тонконогова была еврейкой. Я говорю: «Нужно быть таким, как Лазарь Шиндель, чтобы — с таким трудом — попасть в аспирантуру».

А Лазарь Шиндель был фронтовик, весь изрезанный, исколотый, вся грудь в орденах. Когда он сдавал вступительный экзамен в аспирантуру по истории партии, у него был вопрос про какой-то съезд РСДРП. И он написал фамилии меньшевиков, поскольку большевиков он наизусть знал. А преподаватель говорит: «Ну да, значит, большевиков не знаете – «тройка». И вот партбюро факультета с большим

трудом – полгода боролось – добилось, чтобы его в аспирантуру взяли.

Я сказала им так и подумала: зря сказала. Ну да ладно. Свои девки – не выдадут.

А через неделю ко мне подошел Алексей Георгиевич Соколов. Тогда он, еще аспирант, был парторгом факультета, а уже позже, лет через двадцать-тридцать, стал деканом. Спрашивает: «Майя, ну что вы говорите? Вообще, пойдет ли человек в аспирантуру, решает не комсомольское бюро, а кафедра».

А еще через две недели на заседании комсомольского бюро мне вынесли взыскание за разглашение результатов секретного заседания комсомольского бюро нашего курса, хотя такого заседания не было. И дома мы пять ночей не спали, мы думали, что меня арестуют. У меня отняли рекомендацию в аспирантуру.

А когда у нас было распределение, меня вызвали, спросили: «У вас есть комсомольские взыскания?» Я сказала: «Да, за разглашение результатов секретного заседания комсомольского бюро». А рядом со мной сидел военный и лежал список мест, куда нужны люди. Он говорит: «Ну, давайте пошлем ее сюда», и ткнул пальцем в строчку со словом «НКВД». И вдруг у меня вырвалось: «Я хочу быть преподавателем». И сотрудник ректората, проводивший распределение, сказал: «Выйдите – мы решим». В НКВД человека, который разглашает, ну как можно послать? (Смеется.)

А когда меня пригласили, руководивший распределением сказал: «Вы знаете, у нас нет места для преподавания польского языка русским. Есть место для преподавания русского языка полякам. Согласитесь?» Я согласилась. И с тех пор чувствую себя счастливой.

Так что повезло. Это, конечно, было большое счастье. И даже, когда потом заведующий кафедрой славянских языков и литератур С.Б. Бернштейн предложил мне место в институте славяноведения, где я могла писать диссертацию, я отказалась. Потому что моя работа действительно очень интересная. Но кандидатскую диссертацию я защитила по польскому языку.

А когда все это началось, ребята из нашего партбюро сказали: «Не волнуйся, мы тебя не выпустим с взысканием». В конце концов, с меня его сняли, а наложили на секретаря нашего комсомольского бюро.

Про золотой курс

Мы сами пережили войну. Это был 46-й год. Принимали в первую очередь фронтовиков. По-моему, без экзаменов. Возвращались и те, кто в ИФЛИ поступил перед войной. Оставалось очень мало мест для школьников. И решили не устраивать экзамены, а принимать медалистов. И вот у меня была серебряная медаль: по алгебре «четверку» получила. И наш курс назывался золотым.

В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Т.В. Булыгина, Т.Я. Елизаренкова и многие другие - это наш курс. Помню, была у нас преподавательница латинского языка Л.Н. Попова. Она вела у нас латинский язык на І курсе, потом ушла рожать. Через много лет я ее встретила в нашем университетском гастрономе, где интернет-кафе было недавно. Она спрашивает: «Скажите, откуда я вас знаю». Я говорю: «Вы преподавали нам латинский язык на I курсе, а потом ушли рожать» – «Да. Помню. Это был золотой курс» – «Почему золотой?» – «Потому что ни раньше, ни позже такого не было».

Про аресты

С нашего курса еще брали буквально с лавки - арестовывали. Девочку одну накануне защиты диплома арестовали ночью в общежитии на Стромынке за то, что она на крыше поезда летом поехала к родителям, которые были в ссылке. И она отсидела два года. Со скамейки, из аудитории в начале V курса взяли парня-еврея, которого мы все называли Юра Миронов. В 1941 году он хотел быть танкистом, а евреев в танкисты не брали. Тогда он подменил свой документ: во время боя какому-то убитому солдату положил свой, а взял его документы. Прошел соответствующее обучение и стал танкистом. Он кончил войну в Берлине с наградами за воинскую доблесть. И вот через 9 лет, в 50-м, до этого докопались, и взяли его. Еще хорошо обошлось: очевидно, немного посидел, а потом ему разрешили доучиваться в Ташкенте.

Арестовывали и преподавателей. И кто-то из них умер в тюрьме. Западную литературу нам читал Леонид Ефимович Пинский - известнейший наш литературовед. И его взяли. Он был в лагере вместе с одним нашим студентом – Сережей Матвеевым, фронтовиком, кстати. Сережа потом рассказывал, что Леонид Ефимович в лагере ходил в лаптях.

А был у нас такой Василёнок, замдекана. Тогда на факультете ни на ужин. И пустили туда кота, которому к хвосту привязали записочку: «Я, кот, объявляю бойкот». Столовая понесла убытки на 5 тысяч рублей. Это по тем временам были колоссальные деньги. Партком университета на все факультеты разослал решение – исключить организаторов бойкота из университета: не нужно было устраивать бойкот, лучше было написать Хрущеву, как плохо работает студенческая столовая. (И партком университета не мог в те времена поступить ина-

выходила газета «Комсомолия» каждый месяц, 30 метров длиной. И как-то там был стишок: «Изо всех своих силенок замдеканит Василёнок». Уже во второй половине 50-х годов один из наших коллег, доцент кафедры фольклора, на партсобрании сказал: «Вчера ко мне пришел Василёнок и похвалился папкой, где 400 доносов на наших преподавателей, в том числе на такогото, на такого-то, которые были арестованы. Я не хочу входить на факультет в одну дверь с ним. И требую, чтобы его исключили из партии». Мы его десять раз, этого Василёнка, из партии исключали. Ведь он доносы писал. А ЦК КПСС - хотя исключение всегда на уровне райкома утверждалось, а здесь доходило до ЦК так ЦК нам наше решение всегда возвращало: нет, ЦК его не исключает.

Уже при Хрущеве произошел такой случай. На Стромынке в общежитии наши ребята устроили бойкот студенческой столовой, где плохо кормили. Однажды ни один человек, кроме китайских студентов, которых было человек 40, не пошел в эту столовую ни на завтрак, ни на обед,

че, а люди в то время там были отличные!) Но ни один факультет на своих партийных собраниях не проголосовал за это решение. Все выразили протест и поддержали ребят. На экономическом факультете был известный в то время человек, член партии с 1911 года (не помню его фамилии, тогда таких людей называли «старый большевик»), который очень едко охарактеризовал положение дел. Его слова повторял весь университет. И ребята остались.

Но было бы неправильно думать, что у нас не было смешных или забавных историй.

Как я уже сказала, на нашем курсе большинство составляли фронтовики. (Хотя и на всех старших курсах они были: на курс старше меня учился Никита Толстой, вернувшийся с фронта, тот же Лазарь Шиндель.) Курс русского языка русскому и славянскому отделению читала Евдокия Михайловна Галкина-Федорук. В те годы она была Федорук-Галкина, поскольку ее муж Илья Саввич Галкин был ректором Университета. Она была единственной женщиной-профессором на кафедре русского языка. Лекции по русскому языку прохо-

дили в Коммунистической аудитории в аудиторном корпусе. Это был 1946 год, университет не отапливали, и мы зимой сидели в аудиториях в пальто. Коммунистическая аудитория похожа на наши поточные аудитории на первом этаже, с тем отличием, что кафедра лектора стоит не на полу, а на большой сцене, чтобы всем было хорошо видно и слышно. Евдокия Михайловна читала лекции (а это были хорошие лекции), так сказать, открыто. Переходя к какойто теме, она могла вставить фразу: «Лежим мы вчера с Ильей, а он и говорит: Дунь, а Дунь». Темой одной лекции была русская лексика, в частности, - буршикозные слова. (Буршикозные слова - это матерные ругательства.) По ходу лекции Евдокия Михайловна посетовала на то, как трудно собирать языковой материал: о магнитофонах тогда никто и не знал, в печати, разумеется, такие слова не появлялись. Приходилось ходить по улице и слушать, записывать. В те годы между двумя часами пары был небольшой перерыв. После перерыва радостная Евдокия Михайловна поднялась на кафедру с несколькими сплошь исписанными тетрадными листами и, с улыбкой повернувшись, к аудитории сказала: «Я благодарна нашим ребятам-фронтовикам, которые дали мне список буршикозных слов и выражений, многих из которых у меня нет. Я их вам зачитаю». И начала читать. А мы, недавние десятиклассницы, от смущения все ниже пригибали голову к партам. Увидев в какой-то момент наши затылки, Евдокия Михайловна воскликнула: «Девчонки, разогнитесь, а то у вас полопаются лифчики. И, кроме того, лингвист не должен бояться слов. Это только язык, который мы должны знать. Знаете ли вы, что наше главное трехсловное ругательство - это пережиток группового брака, когда еще не было семей, и это было приветствие. Мужчины подавали друг другу руки, чтобы показать, что не держат оружия, и произносили это приветствие, которое значило: 'Я твой родственник, не бей меня'. С тех пор я не боюсь слов.

На факультете, наверное, есть разные люди, но абсолютное большинство – это люди хорошие.

Поэтому мне кажется, что университет всегда был на высоте.

> Александра Балашова, Елизавета Горбовская фото: www.vsevolodova.ru

Заоконная зима

Мы почти потеряли надежду, но весна все-таки наступила. И иногда даже становится грустно, что зима закончилась. Поэтому публикуем зимние фотографии Анастасии Волковой, студентки V курса

«Мороз и солнце; день чудесный!...»

«...Звездою севера явись!»

«...Бразды пушистые взрывая...»

Глаголица

E-mail: glagolica.msu@gmail.com

Электронная версия газеты в Internet:

www.philol.msu.ru/faculty/ newspaper

Редколлегия: А. Новикова, Е. Горбовская, А. По- При лянская (редактор), Т. Отвагина (редактор), О. на газету «Глаголица» обяза-Трушина (верстка).

Авторы: Владислав Игнатьев, К.Юдочкина, А. Ба- не совпадать с позицией авлашова, Е.Горбовская, А. Панкратова, А. Волкова. Благодарим за помощь в подготовке Е.Г. Домогацкую.

Благодарим за возможность издавать газету декана филологического факультета проф. М.Л. Ремнёву.

перепечатке ссылка тельна.

Мнение редколлегии может торов публикаций.

Некоммерческое издание.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в Типографии «Синержи»

Москва, 3-й Новомихалковский

проезд, д. За

Тел. (495) 950-57-81, 921-35-63